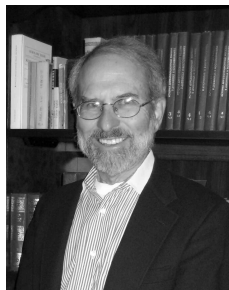

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Стивен Грант

«ВОСПИТАНИЕ ДЕЛАЕТ ВСЁ»: ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ОТ ПЕТРА I ДО АЛЕКСАНДРА I: ТОЧКА ЗРЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

УДК 37.011.33

ББК 74.03(2)

В статье американского исследователя, руководителя семинара по русской истории в Вашингтоне С. Гранта представлен историко-генетический анализ взглядов на просвещение и образование в российском обществе конца XVII — начала XIX века.

Ключевые слова: воспитание и образование детей, домашнее и семейное воспитание, система образования, учительские кадры.

S. Grant

“UPBRINGING MAKES ALL”: UPBRINGING AND EDUCATION FROM PETER I TO ALEXANDER I - THE VIEWPOINT OF AN AMERICAN RESEARCHER

In the article the American researcher, the head of the seminar of Russian history in Washington S. Grant presents historical-genetic analysis of views on education and training in Russian society of the late 17th - beginning of the XIX century.

Keywords: upbringing and education of children, home and family upbringing, education system, teaching staff.

Детство и воспитание

Обучение детей и уход за ними постоянно занимали и даже увлекали людей эпохи Просвещения с конца XVII до конца XVIII века. Европейцы все чаще рассматривали детство как совершенно отдельный жизненный этап, к тому же этап критически важный с точки зрения позднейших, более производительных периодов жизни. Историк Г. Маркер отметил, что в данный исторический период «необыкновенная восприимчивость к новинкам литературы, предназначенным специально для родителей и педагогов, показывает, насколько глубоко образованные слои населения интересовались проблемами детства и воспитания». Итак, детей теперь нужно было не игнорировать, как это, возможно, происходило ранее, а, наоборот, специально культивировать с тем, чтобы они позднее принесли богатый урожай своим близким. Основная тема данной статьи — вопрос кому же именно в России такой «урожай» специально «культивированных» детей должен был принести наибольшую пользу. Двумя основными действующими лицами, вовлеченными в процесс культивации детей, являлись государство и семья («общество» я рассматриваю как совокупность отдельных семей). Мой главный тезис состоит в том, что задолго до того, как государство и общество в России «разошлись» (используя меткое выражение Николая Рязановского) в первой четверти XIX века, заметный разрыв между ними уже наблюдался в XVIII веке. Этот разрыв был не столько политическим

(это произошло позднее), сколько состоял в появлении четкой социальной и культурной границы между правителями и подданными. Вдобавок к этой дихотомии, в вопросе воспитания детей возникли и другие бинарные темы, например, начались трения между иностранными влияниями и патристическими и даже националистическими сентиментами, а также противостояние религиозного и светского образа мышления. Эти темы иногда противопоставлялись друг другу, но не всегда; часто они были одновременно выражены в одном и том же пособии по воспитанию или высказывались одним и тем же его поборником. В данной статье не будет возможности глубоко рассмотреть вопрос возрастающего отчуждения общества от государства в течение XVIII века и сопутствующего ему возникновения концепций публичного и частного, «гражданского» общества и гражданства. Но очевидно то, что последнее из этих понятий превратилось к концу столетия в явление, непредвиденное правительством России и по большей части им не одобрявшееся. Эти новые понятия не могли не повлиять на развитие представлений о воспитании детей.

В течение XVIII века преобладало понимание природы детей, являвшееся в своей основе «библейским» и средневековым: детей рассматривали как маленьких взрослых, в полной мере наделенных первородным грехом, и их поведение отражало такое греховное состояние. Воспитание детей раннего возраста основывалось на религии и часто предусматривало суровые наказания и строгое следование правилу,

гласившему: «пожалеешь розгу — испортишь ребенка». К концу столетия, благодаря в основном Руссо, Локку и другим мыслителям и педагогам, появилось иное понимание природы детства, имевшее огромные последствия для воспитательных практик. Это новое понимание представляло детей не миниатюрными взрослыми, а гораздо более самостоятельными созданиями, к тому же от рождения невинными, начинающими жизнь с «чистого листа».

Государева воля и стремления дворян

Читателю не надо доказывать исключительную важность таких правителей, как Петр I и Екатерина II в продвижении в России как *воспитания* (в нравственно-поведенческом смысле), так и более формального *образования*. Эти два гиганта, определившие развитие России в XVIII веке, были убеждены в том, что образованные граждане, по крайней мере, из высших слоев общества принесут огромную пользу государству. Ни тот, ни другой государь не имел ни малейшего намерения как-либо ограничивать себя в своих требованиях, предъявлявшихся к подданным во имя государственной пользы, хотя обычно для этих повелений выбирались понятия, которые также подразумевали бы и пользу для самих подданных. Для этих двух правителей цели образования были в основном, хотя и не исключительно, утилитарными, практическими и функциональными.

Воспитание считалось важным еще в XVII в., поэтому правление

Петра не стало особенным переломом в этом вопросе. К тому же идеи о том, что образование должно главным образом научить послушанию властям и навыкам гражданства возникли еще в глубокой древности, по меньшей мере, в Древней Греции (например, у Платона). Однако, согласно меткому наблюдению Ольги Кошелевой, в допетровскую эпоху процесс обучения детей чтению и письму был частным, семейным делом, в которое государство почти никогда не вмешивалось. Указом 1714 г. петровские реформы перенесли процесс обучения грамоте из частной сферы в область государственной службы. Чтение и письмо стало необходимо не для спасения души, но для нужд государства. Для дворянства обучение грамоте стало обязательным ...

Большинство российских дворян сохранило в течение XVIII в. убеждение в том, что они были обязаны служить государству. Даже такие люди, как Новиков и Фонвизин, в основном следовали германской идее *Aufklärung* (Просвещения — ред.) в том, что они не подвергали сомнению идею самодержавия до тех пор, пока цари выполняли свой долг править в интересах своих подданных. В этих убеждениях, начиная с середины столетия, они, вероятно, были вдохновлены И. Кантом, который был поборником принципа «образования ради гражданственности». Но упор Канта на «сотворение достойных людей, а не просто полезных граждан» и его идея о том, что нравственное развитие было в конечном итоге гораздо важнее для человека и его общества, нежели

чисто техническое обучение, предвосхищали процессы гораздо менее благоприятные для российского государства. Подчеркивая необходимость для молодежи мыслить самостоятельно и возлагая на родителей долг воспитания детей в соответствующем духе, идеи Канта резко отличались от приоритетов петровской эпохи.

В эпоху Петра и его наследников хорошее воспитание и образование уже становилось необходимостью. Начнем с Феофана Прокоповича (1681–1736), первого в России истинного глашатая начальной эпохи Просвещения, который может служить убедительным примером того, как Петр поддерживал развитие образования. В 1720 г. Ф. Прокопович по просьбе царя составил «Первое учение отрока», которое, будучи изданным в тысячах экземпляров, в течение столетия оставалось одним из основных пособий для нравственного и религиозного обучения в России. Пособие Ф. Прокоповича было обязательным для прочтения всеми духовными лицами и во всех церковных школах, оно было рекомендовано «благочестивым родителям, учителям, опекунам, господам и всем лицам, осуществлявшим родительскую власть над детьми». В своем пособии Прокопович ставил интересы государства выше благочестия и таким образом навлек на себя вражду и осуждение многих церковных деятелей. Особенно важно для нас то, что этот «главный идеолог революционного петровского государства, несомненно, оказывал поддержку *пробуждающемуся разуму и беспокойной совести правящих кругов* как своего, так и последующих поколений».

Еще один классический пример человека, который сначала сам выиграл от петровских идей в области образования, а потом им активно содействовал, мы находим в чиновнике, экономисте и историке Василии Татищеве (1686–1750). В своем известном завещании сыну (1734 г.), Татищев писал: «Даст Бог тебе детей, то знай, что ты должен представить их Богу и государю и обществу. Тут-то не слушай и не давай воли в воспитании их жене своей, а их матери, чтоб не погубила она слепую любовью своею и негою». В. Н. Татищев подчеркивал, что отец не должен жалеть никаких расходов на то, чтобы его дети получили образование и таким образом стали полезными отечеству.

Еще один государственный деятель той эпохи, писавший о воспитании детей, — это князь Антиох Кантемир (1708–1744), происходивший из молдавской правящей династии. Его седьмая сатира «О воспитании» (1739) подчеркивает огромную важность процесса воспитания детей. Но, возможно, под воздействием британской культуры и идей Дж. Локка, с которыми он познакомился во время пятилетней поездки в Англию, он предпочитал систему образования молодых британских дворян, придававшую исключительное значение пользе и добродетели:

Главное воспитания в том состоит дело,

Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчье зрело

В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен

Сын твой был отечеству, меж людьми любезен

И всегда желателен, — к тому все науки

Концу и искусства все должны подать руки.

Подобно В. Н. Татищеву, А. Кантемир верил в гражданский долг и в государственную пользу. В своей сатире Кантемир показывает, что отсутствующее или плохое воспитание развивает в детях дурные привычки, страсти и пороки и призывает своих читателей обращать особое внимание на воспитание, предлагая к руководству свои правила.

Кантемир первым постулировал «общественные задачи» воспитания. Он считал, что цели образования, относящиеся к гуманизму и гражданскому обществу, должны быть приоритетными. Он сравнивал сердце ребенка с плодородным полем: должным образом обработанное, оно принесет богатый урожай, но если оно будет заброшено, то зарастет сорняками. Не менее важно и то, что Кантемир не верил в идею «первородного греха», согласно которой «слабая душа» ребенка была подвержена обману, терзаема страстями и управлялась велениями природы.

Домашнее и семейное воспитание

В последнее время появилось много работ, посвященных истории издательского дела в России. Особенное внимание уделялось выпуску спонсировавшихся государством учебников для начального обучения. Эти исследования убедительно показали, что со

времен Петра и до конца столетия книги, предназначавшиеся для обучения детей грамоте, были почти без исключения религиозного, а не светского характера. Материалы мемуарной литературы того времени подтверждают, что дворяне, получавшие домашнее воспитание, учились по букварям, название которых почти никогда не указывалось, наряду с Псалтырем, житиями святых (Четьи-Минеи), Часословом и другими похожими духовными текстами. Однако к концу столетия явно наметились перемены. Поэт и герой 1812 года Денис Давыдов, родившийся в 1784 году, заметил в своих воспоминаниях (говоря о себе в девятилетнем возрасте в третьем лице): «Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке... Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке...»; тому же учился Давыдов до тринадцатилетнего возраста.

Государство и образование после Петра

Наследники Петра также не пренебрегали вопросами образования; Елизавета Петровна нашла способного поборника образования в своем любимце Иване Шувалове (1727—1797), вместе с Ломоносовым основавшем и первым возглавившем Московский университет, а также ставшем первым президентом Академии худо-

жеств. Однако, судя по всему, воспитание детей раннего возраста не особенно интересовало этого покровителя искусств и просвещения. Необходимо подчеркнуть, что для Шувалова, как и для большинства его предшественников, просвещение и образование было, прежде всего, средством для достижения одной лишь цели: благополучия государства.

Спустя полвека после того, как Петр I окончательно закрепил за российским дворянством обязанность служить государству, а также своим целям в области просвещения, его внук Пётр III ясно показал, что государство по-прежнему живо интересовалось темой воспитания. Тогда как указ 1762 года даровал дворянам вольность служить или не служить, воспитание детей по-прежнему вменялось им в обязанность.

Примечательно, что при этом на дворянстве была оставлена учебная повинность, возложенная на него Петром Великим. Царский манифест обязывал дворянина отдавать своих сыновей в казенную школу или готовить их далее к экзамену по установленной программе, чтобы никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук воспитывать своих детей. Получалось так, что до Петра I дворянство заставляли служить не учась, Петр I приказал учиться ради службы, а при внуке Петра I дворянство от службы освободили, но продолжали принуждать учиться, т. е. ученье сделали для него новой обязательной службой.

Екатерина II, решительный поборник образования, в основном полага-

лась на Ивана Ивановича Бецкого (1704—1795), служившего при ней чем-то вроде министра по этим вопросам. Предвестником их будущего сотрудничества стало выпущенное Бецким в 1766 году «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества», которое включало в себя подробные инструкции по воспитанию детей различных возрастов. Большое внимание уделялось внешним и физическим аспектам воспитания. Подробные предписания олицетворяли точку зрения государства о том, что частные лица и семьи были менее подготовлены к выполнению общественно-полезных задач, нежели просвещенное государство.

В 1774 году Екатерина и И. И. Бецкой опубликовали общее собрание принципов публичного образования для России. Они обратили особенное внимание на воспитание не только мальчиков, но и девочек, таким образом используя еще один человеческий ресурс, который мог стать полезным для государства. Их «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» стало законом еще в 1764 году. Кульминацией их сотрудничества стал трактат под названием «О должностях человека и гражданина, книга к чтению, определенная в народных училищах Российской Империи», изданный в Петербурге в 1783 году. Эта книга, опубликованная по повелению императрицы, была написана немецким педагогом Йоханном Фельбигером при покровительстве австрийского серба Теодора (Федора)

Янковича де Мириево (1741–1814). Третья глава трактата «О союзе между родителями и детьми» требует, чтобы родители «заботились о детях» — кормили их, ухаживали, а также руководили ими. Дети считались «беспомощными» и поэтому должны были получать всю необходимую поддержку от родителей. Воспитание определялось как «направление детей по пути добра»; родители должны подавать детям хороший пример, «чтобы пресечь в них зло в зародыше». Если предупреждение не оказывало нужного действия, родитель должен был не «терять ... возможность наказать их, не причиняя вреда». Трактат также предостерегает против возникновения у потомства «озлобления от излишней строгости». Дети, в свою очередь, имели значительные обязанности перед родителями: быть благодарными, уважать их, слушаться и следовать их наставлениям.

Таким образом, к концу XVIII века в России возникла новая система образования, использовавшая весьма неплохо подготовленные учительские кадры. Теперь в качестве первого букваря служил не Псалтырь, но книга «О должностях человека и гражданина», которая начиналась словами: «Истинный сын отечества должен быть привязан к государству, его форме правления и его законам». Однако сфера образования оставалась далеко не монополизированной государством, и общество сохраняло свои собственные образовательные стратегии. Но люди государственных убеждений все же считали воспитание прерогативой властей, а не частных лиц, и целью

воспитания считалось привитие чувства долга и послушания старшим. Одним таким деятелем, прямым «наследником» Татищева и Кантемира, была княгиня Екатерина Дашкова, которая немало думала и писала о воспитании и образовании детей.

Общественные интересы

Большинство мемуаристов XVIII в., подобно драматургу Денису Фонвизину и поэту Гавриле Державину, описывают свое воспитание. Фонвизин вдобавок к этому вынес тему воспитания из области частной жизни на театральные подмостки. Один видный историк заметил, что все творчество Фонвизина, наверное, наиболее выдающегося творческого гения России своего времени, представляется как обращавшееся к одной важнейшей теме — отечественного образования. Его ранний шедевр, комедия *Бригадир* (1769), включает в себя диалог, который впоследствии продолжал звучать во всех последующих его работах:

Сын Иванушка. Батюшка! Я негодник, Je vous demande pardon, я такой сын, по которому свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве! Вы, monsieur (к Добролюбову), конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиной воспитание.

В одном из наиболее запоминающихся эпизодов в классической комедии *Недоросль* (1782) фонвизинский (предположительно) alter-ego с крас-

норечивой фамилией Стародум выносит приговор многочисленным недостаткам домашнего воспитания того времени. Стародум замечает своему другу Правдину:

«Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! *Лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин*».

Итак, в течение долгого времени утилитарные цели государства в основном совпадали с желаниями высших слоев «общества», так как хорошее воспитание открывало дорогу к продвижению по службе и личному совершенствованию. Государственное и частное воспитание часто совпадали и не были четко разграничены. Славянофил Иван Аксаков писал век спустя: «Слабость нашего образования в том, что оно у нас — не цель, а средство».

Николай Новиков

В числе наиболее влиятельных писателей, касавшихся темы детей и их воспитания, был Николай Иванович Новиков (1744–1818), журналист, издатель, сатирик, масон и проповедник идей и ценностей Просвещения. Суть его педагогических идей может быть суммирована следующим образом: дети — не просто маленькие взрослые. Они живут своей собственной жизнью отдельно от родителей и

никак не могут считаться всего лишь их продолжениями и отражениями. Дети нуждаются в руководстве, но не в чрезмерной удушающей заботе; их надо сдерживать, но не подавлять; им нужны три вида подготовки и образования: физическая, умственная и особенно нравственная.

Относительно этого последнего вида назревали особенно важные перемены. В более ранний период нравственное обучение детей представлялось почти исключительно как религиозный вопрос; цель «хорошего образования» состояла в основном в спасении бессмертной души ребенка. Но согласно новым идеям Просвещения, нравственное образование приобрело сразу несколько направлений. Для наиболее светски настроенных мыслителей нравственное образование было призвано воспитывать чувство долга к человечеству не в меньшей степени, чем чувство долга к Богу, и к Отечеству не менее, чем к Православной Церкви.

На первый взгляд может показаться, что идеи Новикова в области педагогики должны были понравиться наследникам Петра: в отличие от Руссо и в некоторой степени в отличие от Локка, он не одобрял образование детей частным порядком (практически в изоляции) и считал публичное образование более предпочтительным. Для Новикова цель образования детей состояла в произведении полезных членов общества, готовых действовать в интересах нации и сограждан. Именно эта последняя идея и вызвала неудовольствие императрицы: для ее самодержавного режима, заинтересованного в получении максимальной отдачи

от своих подданных, любое отвлечение их внимания могло уменьшить эту отдачу и даже создать возможность конфликта интересов между государством и обществом и между публичными и приватными принципами.

Некоторые российские исследователи, особенно советского времени, преувеличивают оригинальность и радикальность идей Новикова о воспитании. Мне кажется, что хотя некоторые их элементы и не полностью заимствованы у Локка и Руссо, эти отличия в основном незначительны: Новиков, подобно Петру, призывал выращивать детей к вящей славе России и пользе государству. Однако в своем «демократическом» подходе к образованию Новиков, возможно, разошелся во мнении с Екатериной (и ее соратником Бедким). В его идеях ясно наблюдается дух масонства. Он писал: «Старайтесь вливать в них искреннюю любовь и благоволение ко всем чело- векам, без различия состояния, рели- гии, народа или внешнего счастья». Он верил в «натуральное равенство человеков». Слова эти, написанные в 1783–1784 гг., поначалу звучали достаточно невинно, даже после рево- люции в Америке. Но после событий 1789–1793 гг. они казались Екате- рине призывом к оружию, направлен- но против ее режима.

Александр Радищев

Еще в большей степени идеи Ека- терины по поводу образования получи- ли вызов в трудах Радищева. Почти вся глава «Крестьяны» «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790)

посвящена объяснениям отцом детям тех принципов, согласно которым он их вырастил. Педагогические взгляды отца, несомненно, соответствуют взгля- дам самого Радищева и, несомненно, должны были вызвать у Екатерины резкое неприятие. Например, Радищев почти полностью отрицает опору режи- ма на православие, а также религиоз- ные предписания как основу хорошего воспитания, и опирается на рассудок, а не на религию. Еще в большей степе- ни Екатерина и ее чиновники должны были быть разъярены призывом «отца» (и Радищева) к потомству поставить «исполнение добродетели» выше даже повиновения законам.

Все известные нам общества мно- гими наполнены в нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречи- ями. *И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они на- ходятся в совершенной противу- положности.* Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть прерываемо. *Небреги обычаев и нравов, небреги закона граждан- ского и священного, столь святая в обществе вещь, буде исполнение оных отлучает тебя от доброде- тели.*

Эти идеи Радищева следовали высказыванию Добролюбова в «Бри- гадиере» Фонвизина, что «воспитание делает все» (К. А. Гельвеций). Кста- ти, необходимо заметить, что первое в истории сравнение государства с нянькой встречается именно у Ради- щева, правда в связи с цензурой, а не с воспитанием.

Два примера нового воспитания

Александр Бестужев (1761–1810), отец четырех сыновей-декабристов, был ведущим теоретиком и практиком педагогики. Его самой известной работой на эту тему был трактат «О воспитании», впервые опубликованный в 12 выпусках прогрессивного «Санкт-Петербургского журнала» за 1798 год. В основном данный трактат отражает идеи Просвещения, включая идеи Новикова. Например, Бестужев рассуждает о необходимости нравственного воспитания и защищает публичное образование в противовес домашнему (в отличие от защиты последнего Локком), утверждая в самой первой главе своего труда, например, что в первые месяцы жизни ребенка родители не уделяют должного внимания его воспитанию. Он продолжает: «Весьма часто родители потакают детям во всем и портят их» и упрекает, что лень, роскошь и т. д., рожденные крепостнической системой, производят на свет «бесполезных членов общества». В то же время, Бестужев предлагал систему образования и воспитания, сходную с идеями Яна Амоса Коменского (Комениуса — 1592–1670), более гуманистически ориентированными, чем это было тогда принято в России. Он не соглашался с общепринятым в то время религиозным направлением педагогики. Он критиковал крепостное право и отличался «демократическим» уклоном. Еще более важно то, что в отношении своих собственных

сыновей он выступил против своих профессиональных наклонностей, обучая их дома до 11–12 летнего возраста, прежде чем послать в государственные учебные заведения, такие, например, как Морской Кадетский Корпус. Оставив службу после рождения сыновей, Бестужев руководил их воспитанием в качестве ученого и любящего отца, всегда доступного для детей, согласно свидетельствам своего третьего сына Михаила. Таким образом, влияние домашнего воспитания, несомненно, было весьма важным для политического развития братьев Бестужевых.

Подобным образом Михаил Бакунин (1814–1871) был «образован по-европейски, а не в русском духе», просвещенными отцом и дядей. Но восстание декабристов перепугало его отца, который, по словам будущего анархиста, «решил сделать из нас верных царю подданных, и, таким образом, в 14 лет я был послан в артиллерийское училище в Петербурге». В своем кратком биографическом очерке Бакунин подчеркивает, насколько важно для его раннего воспитания было постоянное и исключительно любящее присутствие его отца. Это изменение направления воспитания после 1825 года ясно показывает сущность тех правил, которые отец до того внушал своему сыну, и насколько домашнее воспитание Бакунина должно было быть удалено от предписаний надлежащего государственного образования.

Заключение

В своей первой части данная статья показала то значение, которое придавалось воспитанию детей, начиная с конца XVII до начала XIX века. Важность правильного воспитания была очевидна как для родителей, так и для детей. Целью хорошего воспитания было производство достойных членов общества, которые, как патриотические добросовестные граждане, вносили бы свой вклад в процветание как государства, так и своих соотечественников.

Вторая часть статьи продемонстрировала, что к началу XIX века вопросы воспитания, в особенности молодых дворян, стали чем-то вроде камня преткновения между государством и некоторыми слоями «общества». Небольшой, но значимый разрыв возник между их понятиями об обязанностях хорошего гражданина. Хотя значение этого вопроса не нужно преувеличивать, он, тем не менее, увеличил постоянно расширявшийся разрыв между режимом и его подданными, имевший важные последствия для истории России.